

Тигран Аветисович Навасардян (1861—1927 гг.) был одним из тех самоотверженных тружеников науки, значение которых по сей день по-настоящему не оценено. И вовсе не потому, что имена их забыты или плоды их трудов не издаются, не упоминаются в современных научных публикациях. Вовсе нет. Имя Тиграна Навасардяна заняло прочное место среди выдающихся деятелей армянской культуры конца XIX — начала XX в., собранные им фольклорные и этнографические материалы не раз издавались и переиздавались. Т. Навасардян является составителем, издателем, комментатором и даже наборщиком 10 томов сказок, а также «Словаря араратского диалекта». И все же до последнего времени полного представления о том, что сделано Тиграном Навасардяном, каков подлинный объем его деятельности, каков вклад в армянскую фольклористику, не было.

Книга Светланы Варданян восполнила этот пробел: впервые изучена и охарактеризована обширная рукописная коллекция Навасардяна, составляющая часть армянской национальной культуры, выявлен ряд новых фактов из истории армянской фольклористики и биографии самого собирателя, всесторонне рассмотрена его издательская и собирательская деятельность и, наконец, применена оригинальная методика, основанная на количественном анализе накопленного материала. Эта методика разработана доктором филологических наук И. Г. Левиным и уже успешно применялась в Таджикистане в работе над сводом таджикского фольклора и в Армении в аналитической документации архива Отделения фольклора Института археологии и этнографии АН Армении. Автор книги С. Варданян экспериментальным образом проверяет способ изучения архива в целях определения его географо-исторического и социологического происхождения, что дает возможность судить и о его репрезентативности.

Во «Введении» к своей книге С. Варданян так характеризует стоящую перед ней задачу: посредством количественного анализа исследовать фольклорный фонд, собранный под руководством Т. Навасардяна, осветить важный этап в образовании армянского культурно-исторического наследия и тем самым внести посильный вклад в подготовку истории армянской фольклористики. Выбор методики обоснован целями и задачами современной науки. Положениям, изложенным во «Введении», С. Варданян следует на всем протяжении своей работы.

Структура книги определяется избранной методикой — от анализа к синтезу, что в результате позволяет создать общую картину деятельности Навасардяна, понять значимость его вклада в историю армянской фольклористики.

Биография Тиграна Навасардяна, в которой не без труда уточнены отдельные факты и даты, показывает, к какому типу культурных деятелей он принадлежал — это тип автодиакта (самоучки), коллекционера и издателя народной словесности. Подобный вывод помогает автору правильно оценить и всю самоотверженную, бескорыстную деятельность Навасардяна.

Жизнь Навасардяна рассматривается на фоне культурно-исторической обстановки, сложившейся в старом Тбилиси после присоединения Грузии к России. Это позволяет описать деятельность Навасардяна в рамках широкого демократического движения с учетом и того, что Тбилиси стал очагом многонационального фольклора. И Тигран Навасардян показан не просто собирателем последнего, но и организатором самого собирательского дела, ибо, по справедливому замечанию С. Варданян, «как бы велики ни были личные коллекции одного собирателя, собирательство приобретает общественное значение только тогда, когда становится делом многих» (с. 15).

Особое внимание уделяется обращению Навасардяна к жителям города через газету с призывом записывать фольклор и присылать ему для публикации. Почти одновременно таким же образом обратился к жителям Эстонии пастор Хурт. Сопоставление результатов и анализ статистического сравнения позволяет сделать очень интересные выводы о культурно-историческом осознании сущности фольклора в разных регионах. За короткий срок на призыв Хурта откликнулось 1345 добровольцев, у Навасардяна же, в результате просмотра фондов и публикаций, автор книги выявил всего 41 корреспондента, что все же свидетельствует о слабом интересе к фольклору среди армян, несмотря на наличие отдельных энтузиастов. Объясняется это тем, что у армян, имеющих древнюю литературу, богатую книжную традицию, национальный алфавит, непохожий на другие, престиж книжности был очень высок. Народная же словесность в глазах ее носителей ничем не отличалась от той, которую имели соседи, поэтому и отношение к ней было соответствующее — как к чему-то, не имеющему ценности. Деятельность Навасардяна в этих условиях приобретала особое значение, так как благодаря ему и другим энтузиастам постепенно стало меняться отношение к устному творчеству, возникло сознание его необходимости для изучения народной жизни.

Характеристика собирательской деятельности Навасардяна и ее итогов невозможна без сведений о сотрудниках-корреспондентах, собиравших фольклорные материалы. Местожительство корреспондентов дает представление о происхождении собранных материалов; сословно-профессиональная характеристика сотрудников позволяет лучше понять, как складывались отношения между «народом» и «городской интеллигенцией», которая преобладала среди корреспондентов; рассмотрение половозрастного состава дает основание говорить о тяготении молодых к устной народной словесности. Все эти сведения имеют важное значение для понимания процесса складывания коллекции Навасардяна. Характеризуя коллекцию, автор впервые публикует свидетельства корреспондентов о том, что значило для них собирание материала. Большая часть их, как и сам Навасардян, была воодушевлена идеей «спасения угасающих духовных ценностей».

Количественные показатели позволяют сделать выводы и при анализе контингента информаторов. Автор справедливо указывает, что наличие или отсутствие имени информатора говорит об определенной концепции собирательского дела, а также подчеркивает, что именно Навасардян стал

требовать от собирателей сведений об источниках текстов. «Это было прогрессивным новшеством, подсказанным пониманием значения территориальности вообще и диалектов, в частности с точки зрения истории культуры. В условиях подвижности армян (правда, вынужденной) требования к собирателям фольклора указывать место записи встретило общее понимание. А это в свою очередь привело к более подробной документации источника, к фиксации имени (что равноценно записи пола, а подчас и возраста). Последнее было опять-таки подсказано историческим подходом к явлениям культуры, ведь от возраста зависит и исковая «древность» текста, потому обращались к старикам» (с. 26). Хроносоциограмма, составленная автором, показывает пол сказителя, его возраст и число записей по десятилетиям. Подробно комментируется и хронограмма, которая отражает пики и спады количества собранного материала по десятилетиям. Все эти данные говорят о достаточной репрезентативности коллекции.

Содержание архива Навасардяна анализируется на источниковедческом уровне. Общая статистическая характеристика показывает, сколько единиц информации в архиве, какое количество их относится к разряду «фольклор», какое к разряду «этнография». Из данных таблиц выясняется, что больше собрано материалов духовной культуры. Подробная таблица фиксирует и все виды народной словесности, содержащиеся в архиве Навасардяна, и число записей по более популярным группам. Интерпретация структуры репертуара вскрывает интересные закономерности в бытовании отдельных жанров фольклора, показывает, как сказались на содержании репертуара цели, поставленные Навасардяном перед собирателями. Тексты фольклора, согласно кодификатору И. Г. Левина, подразделены на разряды «язык», «проза», «поэзия». Каждый из этих разрядов имеет ряд подразделов, достаточных для первичной описи материалов. Так, в разряде «язык» выделены «топонимика», «формулы вежливости и контакта», «пожелания, благословения», «проклятия, заклинания», «пословицы, поговорки» и др. В разряде «проза» — «предания о природе», «предания о сверхъестественном», «басни», «сказки» и т. п. В разряде «поэзия» — «эпические песни», «духовные песни», «ашугские песни», «хагики» (четверостишия), «детские песни, колыбельные» и др. Всего в коллекция 12 074 текста. Многожанровость материалов фонда Навасардяна объясняется его стремлением охватить все жанры без отбора. Количество тех или иных жанров С. Варданян справедливо интерпретирует условиями их бытования. Так, большее число записанных четверостиший — 1074 — объяснялось легкостью их записи; пословиц, поговорок (5387), проклятий (5668) — их присутствием в любом разговоре. Что касается сказок (210), то они рассказываются в свободное от работы время, в длинные зимние вечера, а такие условия не всегда создаются. Сказались пристрастия самих собирателей, а также установка Т. Навасардяна на создание словаря араратского диалекта.

Фиксация географического происхождения материалов и хронологической динамики их поступления выявляет очень важные аспекты характеристики архива. Так, из данных приложенных картограмм стало ясно, что наибольшее внимание собиратели уделяли деревне, выявилось также, в каких местностях больше всего собрано материалов — это Вагаршапат, Ереван, Карабах и Ван. И те, и другие факты объясняются субъективными (мировоззренческими) и объективными (организационными и общественными) условиями. Распределение материалов во времени дает возможность показать динамику деятельности собирателей. Поскольку сам Навасардян учета не вел, анализ его деятельности позволил восполнить этот пробел и произвести учет, необходимый для написания истории науки. Следующая таблица коррелирует во временном аспекте результаты собирательской деятельности с видами и жанрами фольклора. Здесь видно изменение интереса к фольклорным жанрам во времени. Автор верно отмечает, что причины увеличения числа одних жанров и уменьшения других надо искать не в самом фольклоре, а в фольклористике, в расширении понимания словесности. На этом примере ясно видно, как в книге С. Варданян исследуются факты не обособленно друг от друга, а в контексте, во взаимосвязи и взаимообусловленности. Такой подход к интерпретации фактов и есть отличительное свойство избранной методики, помогающей выявлять и устанавливать «точные факты, которые при их интерпретации могут оказаться существенными в культурно-историческом плане. Ценность этих фактов в их беспорной точности и, во многих случаях, неожиданности. Новые факты вынуждают искать объяснения, и в этом их несомненная польза» (с. 37).

Эдиционные принципы Т. Навасардяна, представляющие значительный научно-исторический интерес, проявились в его издательской деятельности. В 10 выпущенных томах Навасардян опубликовал 2940 фольклорных и этнографических материалов, в том числе 73 сказки, 207 загадок, 142 благословения, 34 клятвы, 17 скороговорок, 42 ласкательных слова, 1326 пословиц и поговорок, 52 песни, 110 четверостиший, 548 псевдонимов, 55 детских игр, 181 проклятие, 58 молитв и т. д. (с. 44). Автором тонко замечено, что недостаточная литературоведческая и лингвистическая подготовка Навасардяна обернулась большим достоинством для его изданий: «В отличие от очень знаменитых издателей сказок, — пишет С. Варданян, — Навасардян избежал соблазна «исправления», стилизации и составления сводных текстов и т. п.» (с. 42). Богатый практический опыт сам собой привел к начаткам теории. Постепенно возникало понимание варианта: материалы, записанные из разных регионов, от разных собирателей, но близкие по сути Навасардян помещал рядом. Таким образом, на основе вариантов он подошел к пониманию типологии (с. 47). Появляется и осознание роли личности сказителя. В IX томе под текстом сказки указывается имя рассказчицы. В примечаниях X тома приведены имена собирателей. В комментариях к сказке на карабахском диалекте Навасардян излагает сказку на араратском диалекте. По мнению комментатора, это тождественные сказки. Так Навасардян пришел к пониманию сущности тождества сказочных вариантов.

По ряду причин социологического характера, которые указывает С. Варданян, Навасардян был вынужден издавать книжки народной словесности для самого народа. Эти издания характеризуются не только в аспекте их нынешнего научного значения, но и, что гораздо важнее, с точки зрения тогдашних читателей, как значительное культурно-историческое и социальное явление.

Анализ изданных Навасардяном книжек народной словесности позволяет сделать обоснованные выводы о его научных позициях (на базе структуры издания, анализа вступительных статей, подстрочных комментариев, примечаний о бытовании того или иного жанра). Сделанные заключения убедительно подтверждают тезис, выдвинутый автором во «Введении» к работе, — судить о собирателях фольклора не столько по их декларациям, сколько по их деятельности.

Деятельность Тиграна Навасардяна как собирателя, издателя, лексикографа была высоко оценена уже при его жизни. С. Варданян приводит список выявленных ею рецензий и откликов и дает им оценку *в совокупности*, подчеркивая их значение с точки зрения истории армянской фольклористики. Так, она отмечает, что современники, говоря о научном и литературном значении изданий Навасардяна, видели их ценность главным образом в отображении и сохранении в них глубокой старины, тогда как сегодняшний исследователь рассматривает эти материалы в ином качестве: благодаря своей достоверности, они могут быть оценены как исторический источник, документирующий уже ушедшую в прошлое народную жизнь второй половины XIX в., и тем самым восполняют пробел в наших знаниях о бытовании народной словесности в тот переломный период. Такая оценка фольклорно-этнографического наследия Тиграна Навасардяна является итогом исследования С. Варданян.

Книга С. Варданян своей добротностью, прочной фактической основой, достоверностью научных выводов вполне могла бы целиком войти в будущую историю фольклористики Кавказа. Избранная же методика, несомненно, пригодна для разработки модели описания биографий фольклористов.

С. А. Гуллакян